

KINGA OKROJ

Преступление и наказание
в рассказе *Улика* Алексея Скалдина

Crime and punishment in Aleksey Skaldin's short story *Trace*

Abstract. The article is devoted to the discussion of structural elements and motifs in the short story of the Russian modernist Aleksey Skaldin entitled *Trace*. In his work, the writer reinterprets certain aspects from Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and punishment*. It can be assumed that the two texts chosen for comparative analysis are marked by similar ideas (crime, punishment, Übermensch). The goal of the analysis is to underscore the shared and relevant contents of both literary works. The main character of Skaldin's *Trace*, Ivan Vyakhirev, is guided by the theory of the division of society into outstanding and ordinary individuals, similarly to Rodion Raskolnikov. Vyakhirev can be seen as a variant of Raskolnikov. Even though he does not know the book *Crime and punishment*, he "develops" Raskolnikov's theory. Vyakhirev wants to prove his own uniqueness, the final test being the murder of his old friend. Similar experiences and reasoning of the characters lead them, however, in completely opposite directions. Raskolnikov reevaluates his life and the views he held as he admits that he is not an outstanding individual above the law. Skaldin's *Trace* illustrates the reverse path of human personality development. Initiatory signs appear on Vyakhirev's path, but he is unable to see and use them, and he does not develop self-awareness. He rejects their power, embarking on a dark path. The interpretation of Skaldin's text through the prism of the ideas contained in *Crime and punishment* leads to an in-depth reading of the meanings and symbols hidden in *Trace* (including guilt, freedom, and the female figure).

Keywords: crime, punishment, Übermensch, esotericism, Skaldin, Dostoevsky

Kinga Okroj, University of Gdańsk, Gdańsk – Poland, kinga.okroj@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0001-5705-4745>

„Человека убить просто”, – данную фразу произносит Никодим, главный герой романа *Странствия и приключения Никодима Старшего* Алексея Скалдина. Проблематика смерти занимает важное место в прозаическом творчестве этого малоизвестного русского младосимволиста. Мотив лишения человека жизни появляется как в опубликованном в 1917 году романе, так и в написанном одиннадцать лет спустя рассказе *Улика*¹. Особенность

¹ Рассказ был впервые опубликован в 1994 году в журнале „Русская литература” (Skaldin 493). Существуют разные стратегии прочтения данного произведения. Литературовед Та-

текста 1928 года состоит в том, что он содержит в себе реминисценции и отсылки к *Преступлению и наказанию*² Федора Достоевского. Улику можно рассматривать в контексте теории Родиона Романовича Раскольникова, согласно которой существуют „избранные” и „обычные” личности.

Скалдин – это творец Серебряного века. В своей статье *Вступительное Слово к исследованию о методологии искусства* он, как будто предсказывая свое будущее, пишет: „Лучше пережить годы отвержения, изгнания, чем изменить делу, служить которому призвала нас сама душа наша, наша сущность художников” (Skaldin 390). И действительно, долгие годы Скалдин был почти неизвестен исследователям. Творчество младосимволиста открывает для современных читателей американский литературовед Вадим Крейд³. Его начинание продолжает Татьяна Царькова. Именно благодаря стараниям русской литературовед в 2004 году в свет выходит первое собрание сохранившихся до наших дней текстов Скалдина. Он писал стихотворения, прозу для взрослых и юных читателей, занимался публицистикой. В связи с обвинениями и арестами писателя (Car'kova 2004: 405–421; Car'kova, электронный ресурс), многие из его текстов были потеряны. На основе того, что сохранилось, можно сделать вывод об интересе автора к тайным учениям. Это предположение подтверждают отрывки из воспоминаний и писем людей, лично знающих писателя, например, Александра Блока (Blok 307), Георгия Иванова (Ivanov, электронный ресурс), Сергея Троцкого (Trockiĵ 65).

По мнению современников, Скалдин – это посвященный в тайные знания, скрытый, начитанный и незаурядный человек. В своих текстах модернист прибегает к терминам, образам, мотивам и кодам, которые только на первый взгляд кажутся очевидными и понятными. На самом деле цвета, геометрические фигуры и формы предметов, а также имена и фамилии героев кроме основных значений скрывают в себе ряд глубоких смыслов, которые можно расшифровать, опираясь на эзотерическую символику.

В настоящее время *esoteric studies* понимается как система научных методологических принципов. Выделение эзотеризма в роли отдельной области исследований связано с деятельностью кружка Эранос, с трудами Ар-

тьяна Царькова интерпретирует текст, обращаясь к биографии автора и сосредотачиваясь на сказовой форме повествования. Рассказ Улика рассматривается с эзотерической точки зрения в монографии „*Мойте огнем и жгите водой*”. *Эзотерические мотивы в прозе Алексея Скалдина* (Okroj 329–342).

² *Преступление и наказание* впервые было опубликовано в журнале „Русский вестник” в 1866 году. На протяжении лет множество творцов заново поднимает и рассматривает в своих работах мотивы и образы из *Преступления и наказания*. Это, например, Поль Бурже (*Ученик*), Альбер Камю (*Счастливая смерть*), Франц Кафка (*Процесс*).

³ В конце XX века (в 1989 и 1990 годах) Крейд издал репринты романа Скалдина *Странствия и приключения Никодима Старшего* (Krejĵ 1990).

тура Лавджоя, Фрэнсис Амелии Йейтс, Антуана Февра, Воутера Якобюса Ханеграаффа (Lovejoy; Yates; Faivre; Hanegraaff). В литературоведении эзотеризм рассматривается как своеобразный „инструмент” для интерпретации текстов. Вдохновляясь эзотерическим принципом „познай самого себя”, творцы воплощают свои размышления и переживания на страницах произведений.

Некоторые прозаические произведения Скалдина кроме отсылок к тайному знанию содержат также намеки на моральные ценности героев. Главная мысль рассказа *Улика* сводится к рассмотрению идеи права на убийство. Кажется, что своим поведением и рассуждениями персонаж Иван Еремеевич Вяхирев повторяет вопрос Родиона Раскольникова: „Тварь ли я дрожащая или *право* имею?” (Dostoevskij 413).

Представленная в *Улике* и *Преступлении и наказании* проблематика, вероятно, берет свое начало в личных переживаниях как Скалдина (Саг'кова 2004: 493; Саг'кова 1994а: 181), так и Достоевского. Несмотря на то, что писателей разделяют десятилетия⁴, их объединяет похожая судьба – тюремный опыт. В 1849 году Достоевского арестовывают и приговаривают к смертной казни. Впоследствии приговор был заменен сначала каторгой, потом военной службой. Официальной причиной ареста было чтение и распространение письма Виссариона Белинского, в котором автор критиковал тогдашнюю русскую власть (Przybylski 252). Скалдин был трижды арестован (в 1922, 1933 и 1941 годах). Формальными поводами для задержки послужили обвинения в присвоении музейных ценностей, участии в контрреволюционной организации, а также доносы соседей. Можно предположить, что причиной арестов были не преступления писателя, а желание советской власти избавиться от „неудобного” культурного деятеля, мнения которого не совпадали с новой идеологией (Саг'кова 2004: 18–26; Саг'кова 1994b: 460, 465, 469). Довольно часто личные переживания художников находят свое отражение в их творчестве. Достоевский и Скалдин не являются исключением: в произведениях писателей скрыты автобиографические аллюзии.

Исходным пунктом *Преступления и наказания* и *Улики* является идея о том, что люди разделяются на две категории – исключительные и обык-

⁴ Николай Бердяев обращает внимание на значение творчества Достоевского для России и ее культуры: „«Достоевщина» таит в себе для русских людей не только великие духовные сокровища, но и большие духовные опасности. В русской душе есть жажда самосожигания, есть опасность упоения гибелью. В ней слаб инстинкт духовного самосохранения. [...] Творчество Достоевского говорит не только о том, что в русском народе заключены величайшие духовные возможности, но также о том, что этот народ – больной духом. Народу этому, духовно чрезвычайно одаренному, очень трудно дисциплинировать свой дух, труднее, чем народам Запада” (Berdaev, *Mirosozercanie Dostoevskogo*, электронный ресурс).

новенные личности. Приверженцами этой теории становятся главные герои произведений Достоевского и Скалдина – Родион Раскольников и Иван Вяхирев. Своих персонажей авторы подвергают многочисленным испытаниям. В ходе повествования оцениваются поступки и моральный кодекс персонажей. Однако результаты данных „тестов” различны.

Свою теорию о двух категориях людей герой *Преступления и наказания* представляет в статье *О преступлении*. Знакомому Дмитрию Разумихину и следователю Порфирию Петровичу Раскольников такими словами объясняет свою идею:

Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унизительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, – это заметьте (Dostoevskij 256–257).

В своих рассуждениях также Вяхирев приходит к выводу, что существуют две группы людей – избранные и обычные. Первой все дозволено (у них есть полное право на преступление и убийство). Это объясняется особой ответственностью исключительных личностей – они отвечают за поддержание порядка в мире. Вторая группа людей – это обыкновенные или вредные для общества фигуры. Согласно герою *Улики*, они должны жить либо в послушании, либо умереть. В воспоминаниях Ивана Еремеевича о его военном прошлом эта идея принимает форму борьбы с врагом. Важное место в его памяти занимают сражения с китайцами в 1900 году. Вяхирев вспоминает убитых собственными руками людей, что вызывает у него стыд. Попеременно он то оправдывает свои поступки, то упрекает себя в преступлении. В герое кипят противоречивые эмоции. Его мысли балансируют между идентификацией самого себя как жестокого убийцы и убеждением, что он спаситель России. За свою службу Вяхирев получил награду – Георгиевский крест. В глубине души герой сомневается, достоин ли он полученного ордена:

[...] крест как будто и ни за что дали. Но китаец человек особый – он как вошь или муравей. Его только пусти, он живо расплодится и тебя без сумления съест. У меня вот,

к примеру сказать, ни одного детища не народилось, а у тех-то восемнадцати китайцев, может быть, у каждого стало бы по пяти. Целая деревня. Сосчитать – так через сто лет им уж и податься было бы некуда – разве только к нам в Тамбовскую или в Саратовскую. Вот какой враг. Не за то дали крест, что рубил, а за то, что от китайского нашествия Россию спасал (Skaldin 240)⁵.

В определенном случае немаловажную роль играет символика награды, отсылающая к христианскому сюжету. В центре ордена находится круглый медальон с изображением святого Георгия, поражающего змея. Согласно каноническим текстам, Георгий Победоносец – это святой, который спас царевну от дракона. Об этом повествует *Чудо Георгия о змие*⁶. Одним из возможных толкований этой борьбы является спасение христианской веры (Георгий) от язычников и неприятелей (дракон). В связи с этим в России Георгиевским крестом награждались военнотружущие, сражающиеся с врагом. Это награда за мужество и заслуги для страны. Полученный Вяхиревым орден свидетельствует не только о храбрости героя, но и помогает раскрыть его существенные проблемы, касающиеся этики и морали. Оказывается, что за душу Вяхирева борются противоположные силы света и тьмы, нравственности и порочности, пытаясь переманить его на свою сторону. В таком прочтении Георгиевский крест отражает борьбу добра со злом. Постепенно Иван Еремеевич начинает причислять себя к исключительным личностям, которым все позволительно.

Учитывая мотив оправдания преступления и права на убийство, следует признать, что в данном случае Вяхирев напоминает Раскольникова. Героев роднит похожая система ценностей. Исходя из предпосылки того, что существуют две категории людей, они включают себя в круг избранных. Однако здесь замечаются и различия. В случае Вяхирева именно „практика” и собственный опыт служат основой его убеждения. У Раскольникова наоборот – теория предшествует опыту. Тем не менее, оба героя нуждаются в осознанном подтверждении своей правоты. В результате протагонисты решаются на убийство.

Итак, в спокойной жизни Вяхирева появляется его старый знакомый Родивоныч вместе с двумя своими помощниками, названными в тексте рыжими. Появление этих персонажей обнаруживает скрытые донныне страсти

⁵ Здесь замечается ассоциация с монгольским нашествием и угроза смешивания крови. С этим связана также идея панмонголизма (объединение восточных народов в единое государство и угроза Европе, страх перед желтой расой), которую на русской почве развивал Владимир Соловьев (ср. Przebinda; Sołowjow).

⁶ Языковой прием анаграммы, примененный в заглавии *Улика*, отсылает также к другому святому – Луке, который является покровителем живописцев и врачей. Верующие просят его об освобождении от телесных недугов.

главного героя *Улики*. Данная встреча ставит перед ним трудную задачу – это проверка мировоззрения Вяхирева. Конфронтация со своими слабостями ведет к непредвиденным последствиям. Подсказкой становится здесь символика прозвища Родивоныч и его лексическая связь с Родионом Раскольниковым. Скорее всего, Родион – это форма просторечного имени Родивон. Не исключено, что это „говорящее” имя происходит от греческого слова *rodon*. В переводе на русский язык оно означает *розу* (ср. Petrovskij; Kubiak). Роза – это многомерный символ, обладающий рядом значений. Он, в частности, подразумевает вечность, смерть, жизнь, воскресение, мимолетность, невинность, тайну, душу, любовь и многое другое (Kopaliński 361–364). Роза – это также медитативный символ. Французский оккультист Элифас Леви объясняет:

[...] роза для посвященных была живым символом. Это воистину пантакль; форма ее циркулярна, венчик собран из сердцеобразных лепестков, гармонично прилегающих друг к другу; ее тона являются самыми гармоничными сочетаниями элементарных цветов; ее чашечка пурпурная и золотая. Мы видели, что Фламель, или, скорее, *Книга Авраама Еврея*, представляет ее как иероглифический знак исполнения Великого Делания [...]. Завоевание Розы явилось проблемой, предлагаемой инициацией науке [...] (Lévi, электронный ресурс).

Итак, существуют разные варианты истолкования символа розы, однако в каждом из них роза ассоциируется с мостом, связывающим человека с духовным миром.

В *Преступлении и наказании* антропоним Родион связан с убийцей. Главный герой романа Достоевского проверяет свою теорию, убивая Алену Ивановну и ее сестру Лизавету. Но одновременно Родион является и жертвой своей свободы воли. Подобное восприятие Раскольниковым мира и людей ведет его к преступлению. Он слишком погружен в свои мысли и фантазии, желая при этом доказать всем собственное превосходство и избранность. Из этого порочного круга выводит героя только Соня Мармеладова. Благодаря ей Раскольников смог смириться с поражениями, преодолеть слабости и раскрыть свой духовный потенциал. Лексический шифр антропонима Родивон появляется неслучайно и в тексте Скалдина. Здесь роза становится дополнением креста, закодированного в форме награды Вяхирева (Георгиевский крест). Как известно, из соединения этих двух символов получается эмблема розенкрейцеров. Орден Розы и Креста – это христианское братство, основанное в XVII веке (ср. Arnold; Cegielski; Prokopiuk; Sédir). Данное эзотерическое общество провозглашало необходимость как внутренней, так и внешней трансформации человека и мира. Это процесс постепенного духовного роста индивида, заключающийся в преображении и самосовершенствовании. Согласно розенкрейцерам фи-

зический план связан с духовным, а следовательно – одно пространство влияет на другое. Братья Розы и Креста огласили два манифеста: *Fama* (1614) и *Confessio* (1615) (Protas 15–16), в которых рассказывают историю духовного отца братства – Христиана Розенкрейцера. Важным являлся также написанный Иоганном Валентином Андреэ⁷ трактат *Химическая свадьба Христиана Розенкрейца* (1616). В *Dictionary of gnosis and Western esotericism* дается такое пояснение:

The *Fama*, the *Confessio*, and the *Chemical Wedding* reflected a worldview based upon an analogical apprehension of God and of the world on the part of man, based upon earlier esoteric sources and traditions in Western esotericism. The rose in this context reveals symbolic attributes similar to those of the lotus in the Far East. It unfolds on the surface of the Earth-Mother, while the mystic rose is an attribute of the *Mater Dei* (Mother of God) and of spiritualized matter. According to the *Zohar*, the rose is the symbol of God's presence in the world, which will bloom again in messianic times. Medieval iconography made its blossom the image of the Grail, the vessel in which Christ's blood was collected, and thus saw this flower as a symbol of regeneration. [...] Traditionally, the rose is also the receptacle of the fertilizing dew, symbol of the redemptive divine grace. [...] The similarity of the Latin words *rosa* (rose) and *ros* (dew) has led some to see in the Rose-Cross the alliance of the dew and the cross. If the rose is the point of juncture and flowering between matter and the divinity, it is normal for it to be situated symbolically at the center of the cross that unites heaven and earth. John Dee, in his *Monas hieroglyphica* (Hieroglyphic Monad), had argued that the cross is ternary (consisting of two straight lines plus their meeting-point), representing the Holy Trinity and the trinity of body, soul, and spirit; that it is quaternary, thus terrestrial; and that it is also quinary, the number five evoking the sacred marriage of spirit and matter (*Dictionary of gnosis and Western esotericism* 1010).

Из процитированного выше фрагмента следует, что роза и крест как символ братства розенкрейцеров связан с тайным знанием. Символизируя единство тела, души и духа, розенкрейцеровская эмблема отсылает к истинной реальности и представляет поэтапный рост человека – его стремление к совершенству и божественной полноте. Необходимым элементом посвятельного пути является соединение в человеке символов розы и креста. Поскольку истинное осознание смысла их единства зависит от индивида, суть символа могут раскрыть лишь восприимчивые к его действию личности (Прокориук 231).

Итак, перед главным героем Улики стоит задача – собрать воедино подсказки, встретившиеся на его пути. В рассказе роза и крест возникают как отдельные знаки посвящения. Вяхирев обладает уже символическим крестом⁸ – он тянет за собой багаж печального прошлого. Но дверь к духов-

⁷ Очень возможно, что Андреэ был также соавтором манифестов (ср. *Dictionary of gnosis and Western esotericism* 74).

⁸ Символ креста неоднозначен. Согласно трактатам английского герметиста Джона Ди, завуалированная символика креста связана со значениями единства и совершенства. Крест

ной трансформации остается для протагониста открытой. Ему необходимо лишь сделать шаг вперед – найти, осознать и прочувствовать в себе розу. И здесь оказывается, что Родивоныч появляется на пути Вяхирева неслучайно. Значения, зашифрованные в прозвище конокрада, ассоциируются именно с розенкрейцерской розой. Перед глазами читателя Родивоныч появляется в роли спасителя Ивана Еремеевича, напоминающего протагонисту о духовном плане и о скрывающемся в нем божественном начале. Вероятно, что старый знакомый дает Вяхиреву сигнал о том, что возможно искупление грехов. Кажется, однако, что Иван Еремеевич не понимает появившихся на его пути знаков и не замечает влияния Родивоныча. Герой не находит также в себе сил бороться за свою духовную жизнь.

В широком смысле визит конокрада и рыжих воспринимается как шанс на внутреннюю перемену Ивана Еремеевича. Гости просят мужчину помочь им принять решение. Вскоре становится ясным, что пришельцы – это „товарищи по воровству”. Их объединяют нечистые дела – продажа украденных лошадей. Проблемой являются деньги, которые, по мнению рыжих, несправедливо разделил Родивоныч. Именно Вяхиреву приходится судить, кто в данном конфликте прав. Быстро оказывается, что в герое *Улики* преобладают трусость, страх и сомнения. Когда Родивоныч уходит отдохнуть, Иван Еремеевич поддается влиянию и уверениям рыжих. Гости уговаривают его напугать конокрада, потом они втроем обдумывают план. Хотя бывший солдат не намеревается обидеть своего знакомого, ему не хватает сильной воли, чтобы воспротивиться рыжим. В результате все осложняется:

Вяхирев отворил дверь, просунул в темноту голову и правую руку со свечой. Родивоныч лежал лицом кверху и присвистывал носом. Вяхирев ступил в комнату. Родивоныч вдруг как вскочит прямо на ноги, да с такой силой, что оба каблука у него отлетели. Рыжие из-за Вяхирева будто кошки к нему – один за руку и другой за руку; один за горло и другой за горло. Родивоныч тряхнулся – оба они отлетели. Родивоныч сунул руку за голенище, и в руке у него блеснул нож. Вяхирев тут вспомнил старую драгунскую ухватку – вышиб одним ударом нож из руки Родивоныча, свечу в сторону, и сам на него навалился уж вместе с рыжими. Рыжие руки назад крутят, а он за горло ловит. Возились, возились – видят, не одолеть Родивоныча. [...] Попал тонкому рыжему под ногу вышибленный Родивонычев нож. Забыл рыжий, что они только побить хотели Родивоныча, подхватил нож и уже занес его над противником.

– Не надо ножом, – крикнул Вяхирев, – я его по-китайскому за такое место хвачу, что он сразу смирится.

отсылает к образу четырех стихий, соединенных одним источником. Этот центральный пункт относится как к духовному, так и физическому измерениям. Он символизирует первичную материю и мистическое начало вселенной. Точка пересечения, углубляя символику креста, скрывает энергию, необходимую для преобразования вселенной (Dee).

Освободил правую руку и действительно как хватит Родивоныча, даже хрипнуло, – дернул старый конокрад и, словно былинка, повалился на пол. Тонкий рыжий сгоряча все-таки ударил его ножом в шею. Кровь потекла на крашенный пол (Skaldin 243).

Все указывает на то, что военные раны Ивана Еремеевича являются стимулом к следующему преступлению. Несмотря на то, что убийство происходит в совсем других обстоятельствах, на этот раз Вяхирев окончательно теряет возможность искупления своих грехов. Он на практике проверяет свою теорию лишения человека жизни. Осознав, что произошло, Иван Еремеевич и рыжие пытаются скрыть следы убийства. Они придумывают план:

Выплеснул Вяхирев воду на пол, побежал опять в сени. Принес еще. Устроили потоп, взяли все трое тряпки и стали воду снова загонять в ведро. [...] Вынес первую воду Иван Еремеевич во двор, вылил в канавку; вынес второе, выплеснул и ведро поставил под водосточную трубу. Прислушался во дворе, запер калитку и дверь в кухню. Быстро сделали дело.

– Ну, – говорит мясник, – теперь мне его освежевать надо и в мешки распределить.

– Не режь, – возражает Вяхирев, – снова крови напустишь.

– И-и, вот, выдумал, – усмехнулся мясник, – дело привычное – я его так обработаю, что и капельки не выпустит. Свети в подполье. [...]

Смотрит Вяхирев и видит, как рыжий орудует Родивонычевым ножом, – впрямь мясник. Вышелушил ноги – принялся за руки, а крови не видать. Ну крови-то немного натекло. Только он сразу и в темноте не заметил. Сложил рыжий руки и ноги в один мешок, голову с туловищем сунул в другой (Skaldin 244).

Убийство превращается в резню. Здесь следует подчеркнуть, что в *Улике* лишение человека жизни происходит случайно, в то время как в *Преступлении и наказании* оно становится осуществлением задуманного раньше плана. К тому же Раскольников действует сам по собственной воле, Вяхирев – вместе с уговорившими его помощниками. Решения протагонистов зависят от уровня их интеллектуального развития, образования и социального опыта. Герой *Преступления и наказания* – это студент, выдвигающий спорные гипотезы. Он пишет также статьи морально-этического характера. Вяхирев – это бывший солдат с богатым жизненным опытом. Причем нет никаких признаков того, что он знает роман *Преступление и наказание*. Различающим оба текста аспектом становится также подход к телам убитых. Раскольников оставляет покойниц на месте и убегает с украденными предметами. Убийцы Родивоныча придумывают план, как им избавиться от всех уликов преступления. Рыжий расчленяет тело конокрада на части и прячет их в двух пакетах. Неизвестно, однако, что случилось с деньгами за похищенных лошадей. Тем не менее соучастники быстро покидают Ивана Еремеевича. Один пугается и уходит, другой уносит с собой мешок и оставляет его в зарослях. Вторым пакетом вынужден был заняться Вяхирев. Он прячет его около кладбища:

Идет Вяхирев через мост, на мосту опять девки и парни. Пляшут, потому что на мосту пыли меньше, а что была – смели метлой в речку. [...] Вяхирев шагу прибавил – и к кладбищу. Думает: „Брошу руки и ноги меж могил”. А на кладбище опять девки и парни – нельзя. Тогда он от кладбища взял влево, в кустики. Только кустики обманчивые: идешь к ним – они будто стеной стоят. Войдешь – оглянешься: все назад видно. Еще дальше пойдешь – опять то же. Не спрятаться. Вышел Вяхирев к краю кустарника, где проходит железная дорога, посмотрел за дорогу. По другую сторону в ключевом тупике картофель рос. И хоть весна была засушливая, но на влажном месте картофель ботву поднял, и большую. „Туда и положу”, – решил Вяхирев. Перешел через дорогу, забрался в картофель, да только напрасно: издали смотреть – земли под ботвой не видно, а войдешь в середину – со всех сторон гладит на тебя серая земля. Вытряхнул Вяхирев руки и ноги из мешка, разбросал их под ботву в разные стороны. Мешок свернул и домой почти бегом. Не задерживался. Рогожку и мешок они с Марьюшкой [женой Вяхирева – К.О.] поутру сожгли в печке. Марьюшка золу размешала, выгребла и в мусорную яму снесла. Сверху прикидала навозом (Skaldin 246).

Приведенный выше фрагмент напоминает аналогичную ситуацию из *Преступления и наказания*. Образ бегущего по городу убийцы с мешком в руке вызывает ассоциацию с Раскольниковым, пытающимся скрыть украденные у старухи-процентщицы драгоценности. После разговора с Никодимом Фомичом и Ильей Петровичем испуганный герой возвращается в арендованную комнату. Там Раскольников набивает свои карманы похищенными предметами. Затем, как будто в лихорадке, он бродит по улицам Петербурга. В голове Родиона Романовича кружатся разные мысли, идеи и варианты. Примечательно, что путь Раскольникова, так как и дорога героев *Улики*, ведет через мост. Первоначальный план персонажа *Преступления и наказания* заключается в том, чтобы избавиться от украденных вещей, – он хочет бросить добычу в воду. Тем не менее, он не решается на этот шаг:

Он [Раскольников – К.О.] бродил по набережной Екатерининского канала уже с полчаса, а может, и более, и несколько раз посматривал на сходы в канаву [...]. Но и подумать нельзя было исполнить намерение: или плоты стояли у самых сходов, и на них прачки мыли белье, или лодки были причалены, и везде люди так и кишат, да и отовсюду с набережных, со всех сторон, можно видеть, заметить: подозрительно, что человек нарочно сошел, остановился и что-то в воду бросает. А ну как футляры не утонут, а поплывут? Да и конечно так. Всякий увидит. И без того уже все так и смотрят, встречаясь, оглядывают, как будто им и дело только до него. [...] Наконец, пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь на Неву? Там и людей меньше, и незаметнее, и во всяком случае удобнее, а главное – от здешних мест дальше. [...] Он пошел к Неве по В-му проспекту; но дорогою ему пришла вдруг еще мысль: „Зачем на Неву? Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на Острова, и там где-нибудь, в одиноком месте, в лесу, под кустом, – зарыть все это и дерево, пожалуй, заметить?” И хотя он чувствовал, что не в состоянии всего ясно и здраво обсудить в эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною (Dostoevskij 108–109).

Окончательно Раскольников входит в пустой двор и прячет драгоценности под камнем. Чувствуя себя спасенным и в безопасности, герой *Пре-*

ступления и наказания продолжает вести с собой дискуссию. Интересно обратить внимание на характерные мысли Раскольникова. Уходя с места укрытия „добычи”, он говорит себе: „Все кончено! Нет улик!” (Dostoevskij 110). В таком же духе убежденный в своей правоте рыжий говорит Вяхиреву: „Потоп и надо устроить, [...] улик чтоб не было, ежели мильтоны придут” (Skaldin 244), – а Иван Еремеевич отвечает милиционеру: „и спрашивать вам меня нечего, потому как против меня улик нету” (Skaldin 247). Большинство деталей, содержащихся в тексте Скалдина, приводит к мысли о том, что Улика повторяет схему *Преступления и наказания*. На это указывает характерное поведение главных героев анализируемых произведений – их как будто сумасшедший путь, ведущий к укрытию доказательств вины, поиск подходящего места и переход через воду, а также мысли о совершенных преступлениях. Весь этот образ дополняет особый подход как Вяхирева, так и Раскольникова к уликам – их уверенность в сокрытии всех следов своих преступлений.

Вопреки ожиданиям Ивана Еремеевича, части тела убитого быстро обнаруживаются. Однако врач и следователь Мешковатов⁹ не в состоянии понять причину смерти покойника, так как рана на его шее оказывается несерьезной. Только читателю ясно, что Родивоныч „помер от вяхиревской хватки” (Skaldin 247). Скоро удастся установить также последнее место пребывания конокрада, и в дверь дома Вяхиревых стучит милиция. Поскольку Мешковатов быстро находит улики, Иван Еремеевич признается в убийстве. Бывший солдат оправдывается такими словами:

Он же [Родивоныч – К.О.] известный конокрад был – от него вся округа двадцать пять лет плакала. [...] Что вы о наказании – это я сам понимаю, [...] – но только это несправедливо. Самый большой злодей – вор: он человека разоряет. А если я от вора обчество избавил – оно, конечно, грех мой, но это понимать надо и не очень строго наказывать. Вот воров – я бы всех перестрелял (Skaldin 248).

Чувство вины отличает Раскольникова от Вяхирева. Герой романа Достоевского мучается, боится, блуждает по Петербургу и ищет для себя спасения. Сразу после убийства старухи его намерения являются эгоистическими – он хочет лишь спрятать украденное и избежать наказания¹⁰. Со временем Рас-

⁹ Фамилия следователя неслучайна. Прежде всего она отсылает к мешкам с частями тела убитого Родивоныча (Окroj 341). Данная фамилия связана также с глаголом „мешать”. В определенном контексте это слово может означать препятствия на пути Вяхирева – разоблачение его преступления.

¹⁰ Константин Мочульский пишет: „Он [Раскольников – К.О.] ждал казни от угрызений совести – ее не было. Но было другое: мистическое сознание разрыва с человеческой семьей. Убийца нарушил нечто большее, чем нравственный закон: самую основу духовного мира.

кольников осознает, что его теория об избранничестве – это ложь, а он сам обманывает себя. В данном процессе трансформации героя важно присутствие и влияние женщины. Духовные тревоги помогает герою пережить Соня, добровольно поехавшая за Раскольниковым в Сибирь¹¹. В душе Раскольникова наступает перелом – он испытывает духовное возрождение, желая искупить свою вину (ср. Gercij; Grossman; Evdokimov). Иначе данный процесс происходит в *Улике*. Здесь жена главного героя становится его помощницей – она вместе с ним скрывает следы преступления. В связи с тем, что соучастники Ивана Еремеевича (рыжие) бесследно исчезают, за убийство Родивоныча суждены были только Вяхирев и Марьюшка. В конце читаем:

Их рассказам о рыжих не поверили, но решили, что один Еремеич такого дела сделать не мог, – его приговорили на десять лет со строгой изоляцией, а Марьюшку за соучастие на шесть. Судьям Еремеич показался страшным человеком. Отбывать наказание перевели его в губернский город. [...] Но ведь нет никакого наказания: работай и в театр ходи. Вот только хозяйство разорили. Но и хозяйство ему [Вяхиреву – К.О.] не жалко. Он понял, что не то важно человеку, что в сундуках лежит, а чтоб хлеб на сегодня был. Без хлеба же он никогда не сидел. Руки у него были рабочие (Skaldin 248).

В тюрьме герой концентрируется лишь на удовлетворении своих физиологических потребностей. Свое наказание Вяхирев объясняет в материальных категориях – как физическое неудобство, которому следует подчиниться. В таком прочтении тюрьма принимает роль лишь внешнего ограничения. Бердяев подчеркивает, что первичная свобода существовала вне Бога¹² (она также неподвластна Ему). Такой ход позволяет русскому мыслителю объяс-

Закопав под камень украденные вещи, он вдруг задает себе вопрос: «Если действительно все это дело сделано было сознательно, а не по-дурачки, если у тебя была действительно определенная и твердая цель, то почему не посмотрел, сколько денег?». Гуманист-мечтатель потерпел крушение; в деле он проявил полную беспомощность; забоялся, наделал промахов, растерялся» (Močul'skij 248).

¹¹ Михаил Бахтин утверждает, что Раскольников начинает понимать свой поступок лишь на каторге: „Признав себя убийцей, герой еще не раскаялся нравственно, перед лицом Великого Господа Бога, перед людьми и перед своей совестью. «Он стыдится именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно и глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы». Он и на каторге не раскаивается в своем преступлении, спрашивая себя: «Что значит злодеяние? Совесть моя спокойна». В финале романа Родион Раскольников берет в руки Евангелие. Произошло ли его Воскресение? Но то, что эта книга оказалась у него в руках, дает нам надежду на то, что Раскольников раскается нравственно. Сам Достоевский тоже надеется на это» (Bahtin, электронный ресурс).

¹² „Бердяев различает три вида свободы: первичную иррациональную свободу, т. е. произвольность; рациональную свободу, т. е. исполнение морального долга; и, наконец, свободу, проникнутую любовью Бога. Человеческая иррациональная свобода коренится в «ничто», из которого Бог сотворил мир. Это «ничто» не есть пустота; это первичный принцип, предшествующий Богу и миру [...]» (Losskij 271).

нить, что источником зла является именно меоническая (добытийственная) свобода. Данная идея становится исходной в осмыслении человеческого существования (Berdâev, *Filosofîa svobody*, электронный ресурс)¹³. Николай Лосский поясняет эту мысль следующим образом:

Она [воля – К.О.] свободна потому, что при сотворении личности Бог одаряет ее необычайной творческой силой, но не придает ей какого-либо эмпирического характера – ни добродетели, ни безнравственности, ни храбрости, ни трусости и т. д. У каждой личности свободно развивается свой собственный эмпирический характер или ее сущность (*essentia*) и выходит за его пределы в том смысле, что личность остается способной свободно вырабатывать характер снова. Сотворив нашу волю свободной, Бог никогда не совершает над ней насилие, потому что свобода – необходимое условие достижения личностью совершенной добродетели. Однако же оно обуславливает и возможность зла (Lосskij 287).

В понимании Бердяева свобода связана с ответственностью за себя и других (это охватывает весь богочеловеческий мир). Именно поэтому поведение человека должно осуществляться на основе продуманных решений. Вопреки своей вере (в начале текста подчеркивается, что Вяхиревы были на богослужении) герой *Улики* не руководствуется в жизни принципами моральности. Оказывается, что убийство Родивоныча только утверждает Ивана Еремеевича в его рассуждениях о своем статусе избранного. Вяхирев доказывает, что миссия исключительных личностей – это „совершенствовать” мир, освобождая его от воров и нечестных лиц. Свобода воли и сила, использованные вне духовного контекста, превращают Вяхирева в пленника, преданного своим слепым теориям. Вероятно, эту идею Скалдин позаимствовал у Достоевского. Младосимволист пишет:

Достоевский всегда будет свидетельством тому, что верующему доступна вся глубина искушения отрицанием, что он не только знает о глубине, но и чувствует ее. Лишь над ним, сыном свободного Духа Божия, не властны искушения. „Сие есть искушения диавольские”, – говорит он. Ибо такова его вера. И как ясно на примере Достоевского видим мы всю полноту свободы человеческой воли, видим, что воля утверждается в вере (Skaldin 350).

Изображение поведения Вяхирева в „пограничной ситуации” позволяет Скалдину показать отличие истинной духовности от моральных убеждений. Встреча с Родивонычем и рыжими обнажает истинные черты и характер героя *Улики*. Он, избирая свой путь, впадает в эгоизм. Данную мысль подтверждают

¹³ Томаш Шпидлик утверждает, что истинную свободу человек испытывает только во взаимодействии с Богом: „Wolność jest chrystologiczna. Aby być naprawdę wolnym, trzeba rzeczywiście przekroczyć granice człowieczeństwa i stać się «boskim». Człowiek ma tę możliwość, jeśli odrzuca opętanie przez szatana i identyfikuje się z Chrystusem. Taki człowiek zostaje przebóstwiony, doskonaląc się zarazem jako człowiek” (Śpidlik 35).

слова самого Скалдина: „Грех я понимаю не как преступление против нравственности, а как противоречие смыслу нашего существования” (Skaldin 354).

Исходя из общей концепции о существовании двух категорий людей, Раскольников и Вяхирев приходят к различным выводам. Проверая свою теорию на практике, герои сталкиваются с рядом последствий, которые ведут их к крайне разным итогам и объяснениям своих преступных действий. Раскольников искренне кается в грехах и проходит духовную перемену¹⁴. Со всем по-другому к этому относится Вяхирев. Герой *Улики* не чувствует никакой ответственности за свои поступки. Скорее наоборот – убийство человека доказывает Ивану Еремеевичу, что он исключительный и ему все позволено. Таким образом, теорию сверхчеловека и жертвы во имя светлого будущего герои воспринимают по-разному.

Принимая все это во внимание, можно предположить, что *Преступление и наказание* повлияло на художественную форму *Улики*. Вяхирев является своеобразным вариантом Раскольникова. Похожий опыт, переживания и рассуждения приводят их, однако, к совершенно противоположным результатам. Герой Достоевского преодолевает внутренний конфликт и испытания, выпавшие на его долю и ставшие неотъемлемым условием самопознания. В *Улике* представлена иная концепция личностной трансформации. На пути Вяхирева возникают инициатические знаки. Поскольку они находятся за пределами эмпирической реальности, герой не в состоянии воспользоваться ими в полной мере – расшифровать и применить на практике. Сопутствующие протагонисту роза и крест предупреждают, что только от решений Ивана Еремеевича зависит сценарий его дальнейшего развития (стагнация или движение вперед). Игнорирование (отрицание) символов влечет за собой негативные последствия.

Библиография

- Arnold, Paul. *Istoriâ rozenkrejcerov i istoki frankmasonstva*. Per. Vladilen Kasparov. Moskva, Izdatel'stvo Ènigma, 2011.
- Bahtin, Mihail. *Problema poèтики Dostoevskogo*. Web. 03.11.2023. <https://www.edu.yar.ru/russian/tvorch/filolog/dost/zah/dost.html>.

¹⁴ Бердяев в тексте *Мирозозерцание Достоевского* пишет: „Что же новое приоткрылось Достоевскому о человеке? Он не только возвращается к старой и вечной христианской истине о человеке после гуманистического отпадения от нее и забвения ее. Опыт гуманистического периода истории, испытание человеческой свободы не прошли даром. Это не было чистой потерей и чистым ущербом в человеческой судьбе. Новая душа народилась после этого опыта, с новыми сомнениями, с познанием нового зла, но и с новыми горизонтами и далями, с жаждой нового богообщения. Человек вступил уже в иной, в более зрелый духовный возраст” (Berdâev, *Mirosozercanie Dostoevskogo*, электронный ресурс).

- Berdâev, Nikolaj. *Filosofîâ svobody*. Web. 20.12.2023. <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/filosofiya-svobody-177076/chitat-onlayn/>.
- Berdâev, Nikolaj. *Mirosozercanie Dostoevskogo*. Web. 20.12.2023. http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1921_dostoevsky.shtml.
- Blok, Aleksandr. *Pis'ma 1898–1921*. T. 8. Moskva, Goslitizdat, 1962.
- Car'kova, Tat'âna. „«Čeloveka ubit' prosto...» (saratovskij period žizni pisatelâ A.D. Skaldina)”. *Russkaâ literatura*, 1, 1994a, s. 180–187.
- Car'kova, Tat'âna. „...nit' blestâsaâ tonka”. Aleksej Skaldin. *Proza. Stat'i. Materialy k biografii*. Red. Tat'âna Car'kova. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2004, s. 5–26.
- Car'kova, Tat'âna. „«Skaldinovšina» (Saratovskij period žizni A.D. Skaldina)”. *Lica: Biografičeskij al'manah*. Red. Aleksandr Lavrov. T. 5. Moskva, Sankt-Peterburg, Feniks, Atheneam, 1994b, s. 460–486.
- Car'kova, Tat'âna. *Terpenie i vernost'. Očerki ob Alekseje Skaldine*. Web. 02.11.2023. http://az.lib.ru/s/skaldin_a_d/text_0050.shtml.
- Cegielski, Tadeusz. „Ordo ex chaos”. *Wolnomularstwo i światopoglądowe kryzysy XVII i XVIII wieku*. Warszawa, Wydawnictwo Fundacji „Historia pro Futuro”, 1994.
- Dee, John. *Monada hieroglificzna*. Przeł. Łukasz Berezowski. Warszawa, Wydawnictwo Okultura, 2012.
- Dostoevskij, Fedor. *Prestuplenie i nakazanie*. Moskva, Izdatel'stvo Astrel', 2011.
- Evdokimov, Paul. *Gogol i Dostojewski, czyli zstąpienie do otchłani*. Bydgoszcz–Warszawa, Wydawnictwo Homini, 2002.
- Faivre, Antoine. *Zapadnyj ezoterizm. Kratkaâ istoriâ*. Per. Petr Okorokov. Moskva, Kastaliâ, 2018.
- Gercij, Vitalij. „Vina i stradanie v strukture *Prestupleniâ i nakazaniâ* F.M. Dostoevskogo”. *Istoričeskaâ i social'no-obrazovatel'naâ mysl'*, 7 (6), 2015, s. 255–259.
- Grossman, Leonid. *Dostojewski*. Przeł. Seweryn Pollak. Warszawa, Wydawnictwo Czytelnik, 1968.
- Hanegraaff, Wouter Jacobus. *Zapadnyj ezoterizm. Putevoditel' dlâ zaputavšihâ*. Per. E. Żorâ. Red. Aleksandr Ryčkov. Moskva, Centr knigi Rudomino, 2016.
- Hanegraaff, Wouter Jacobus et al., red. *Dictionary of gnosis and Western esotericism*. Boston, Brill Academic Publishers, 2006.
- Ivanov, Georgij. *Peterburgskie zimy*. Web. 02.11.2023. http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/russkie_zimy.txt.
- Krejd, Vadim. „O Skaldine i ego romane”. Aleksej Skaldin. *Stranstviâ i priklüčeniâ Nikodima Staršego*. Izdatel'stvo Antikvariat, Orange, Antiquary, 1990.
- Krejd, Vadim. *Skaldin, Aleksej Dmitrievič*. Web. 02.11.2023. https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SKALDIN_ALEKSE_DMITRIEVICH.html.
- Kubiak, Zygmunt. *Mitologia Greków i Rzymian*. Kraków, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2013.
- Lévi, Élifas. *Istoriâ magii*. Web. 02.11.2023. https://thelib.ru/books/levi_elifas/istoriya_magii-read-20.html.
- Losskij, Nikolaj. *Istoriâ russoj filosofii*. Moskva, Sovetskij pisatel', 1991.
- Lovejoy, Arthur. *Velikaâ cep' bytiâ*. Web. 20.12.2023. <https://psylib.org.ua/books/lovejoy/index.htm>.
- Okroj, Kinga. „Moje ognem i žgite vodoj”. *Ėzoteričeckie motivy v proze Alekseâ Skaldina*. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2023.
- Petrovskij, Nikandr. *Slovar' russkih imen*. Web. 02.11.2023. <http://gramota.ru/slovari/dic/?pe=x&word=родион>.
- Prokopiuk, Jerzy. *Historia Rôżo-Krzyża*. Kraków, Stowarzyszenie A.M.O.R.C., 2013.

- Protas, Bartosz. „Ruch różokrzyżowców a twórczość angielskich myślicieli i poetów”. *Ars Regia*, 9 (15–16), 2006, s. 11–44.
- Przebinda, Grzegorz. *Włodzimierz Sołowjow wobec historii*. Kraków, Wydawnictwo Arka, 2002.
- Przybylski, Ryszard. „Fiodor Dostojewski”. *Historia literatury rosyjskiej*. Red. Marian Jakóbiec. T. 1. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1976, s. 252–307.
- Rijckenborgh, Jan van. *Alchemiczne gody Chrystiana Różokrzyża. Ezoteryczna analiza chemicznych godów Chrystiana Różokrzyża Anno 1459*. Wieluń, Instytut Wydawniczy Rozekruis Pers, 2005–2007.
- Sédir, Paul. *Różokrzyżowcy. Historia i nauka*. Oprac. i przeł. Jerzy Prokopiuk. Warszawa, Wydawnictwo Pegaz, 1994.
- Skaldin, Aleksej. *Stihi. Proza. Stat'i. Materialy k biografii*. Red. Tat'ána Car'kova. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2004.
- Sołowjow, Sergiusz. *Życie i ewolucja twórcza Włodzimierza Sołowjowa*. Przeł. Eugenia Siemaszkiewicz, Seweryn Pollak. Poznań, Wydawnictwo „W drodze”, 1986.
- Špidlík, Tomáš. *Myśl rosyjska. Inna wizja człowieka*. Przeł. Janina Dembska. Warszawa, Wydawnictwo Księży Marianów, 2000.
- Trockij, Sergej. „Vospominaniâ”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 10, 1994, s. 41–87.
- Yeates, Frances. *Džordano Bruno i germetičeskaâ tradiciâ*. Per. Grigorij Daševskij. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.